

МАМА
В ШОКЕ!

СТАРШЕКЛАССНИК
МЕЧТЫ!

Когда я
(ПОЧТИ)

БУЛЛИНГ!

Неудачница!

Взрослая!

ИДЕАЛЬНАЯ VS. РЕАЛЬНОСТЬ

ПОДРУГИ
ИЛИ СОПЕРНИЦЫ?

КОНТРОЛЬНАЯ!
ПАНИКА!

Зеркало,
ТЫ МНЕ ВРЁШЬ!

ДИЕТА И
СЕЛФИ

КРИЗИС
САМООЦЕНКИ

Сергей Галактионов

Когда почти взрослая

<https://litres.ru/73963393>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уникальное произведение о поколении, выросшем в эпоху соцсетей. Четырнадцатилетняя Мира ведёт блог «Дневник Никого», где без прикрас рассказывает о школьных буднях, первой влюблённости и борьбе с собой.

Остроумная и глубокая история о том, как научиться не сравнивать себя с другими, перестать гнаться за лайками и найти свой путь. Автор мастерски сочетает юмор и серьёзные темы, создавая живой портрет современного подростка.

Обязательно к прочтению всем, кто хочет лучше понять молодёжь, а также самим подросткам, которые найдут в этой книге отражение своих мыслей и чувств. Это не просто история — это крик души целого поколения, который никого не оставит равнодушным.

Содержание

Глава 1. Первый звонок — последний мозг	4
Глава 2. Законы подростковой физики	11
Глава 3. Лента — это ловушка	18
Глава 4. Три смайлика и свадьба в июне	26
Глава 5. Нормальная (не как все)	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Галактионов

Когда почти взрослая

«Подростки — это люди, которые ищут себя в мире, где все уже нашли своё место»

Глава 1. Первый звонок — последний мозг

Если вы верите, что 1 сентября — это праздник, то у меня для вас плохие новости: либо вы торгуете гладиолусами, либо вы — моя мама. Для всех остальных это официальные похороны свободы, возможности спать до двух дня и права не видеть лица Антона из параллельного, который за лето, судя по всему, окончательно превратился в шкаф с функциями гориллы.

Меня зовут Мира. Мне четырнадцать, и я официально заявляю: этот возраст придумал сатана в период творческого кризиса. Ты уже не ребенок, которому прощают сопли на щеке, но еще и не взрослый, который может легально купить себе вино и сказать: «У меня был тяжелый день». Ты — промежуточное звено. Личинка человека. Сосиска в тесте мироздания, где теста слишком много, а сосиска... ну, вы поняли.

Утро началось с того, что мама ворвалась в мою комнату

в 7:00 с энтузиазмом аниматора на детском утреннике.

— Мирочка, вставай! Глянь, какая погода! Солнышко! Новый этап жизни!

«Новый этап жизни» обычно означает, что ближайшие девять месяцев я буду пытаться доказать учителю алгебры, что икс равен игреку просто потому, что они оба выглядят одинаково несчастными.

Я посмотрела в зеркало. Из него на меня глядело существо с прической «я только что выжила в центре торнадо» и свежим прыщом прямо на кончике носа. Прыщ горел красным, как стоп-сигнал у КамАЗа. Привет, 8-й класс. Спасибо, природа. Ты как всегда вовремя.

Закон подростковой вселенной №1:

Прыщ появляется ровно за два часа до события, на котором тебе нужно выглядеть хотя бы отдаленно похожей на человека. Он обладает собственной гравитацией и притягивает взгляды даже тех, кто обычно смотрит исключительно в пол.

— Мира, ты надела колготки? — крикнула мама из кухни.

— Мам, мне четырнадцать! Я могу сама решить вопрос с колготками!

На самом деле я стояла посреди комнаты в одном носке и пыталась понять, почему левая нога кажется толще правой. Это вообще законно?

Через час я уже стояла на школьном дворе. Вайб был специфический: смесь запаха дешевых духов, свежескошенной травы и коллективного отчаяния. Линейка — это такое ме-

роприятие, где взрослые в костюмах говорят в плохой микрофон о «светлом будущем», а дети в это время пытаются не упасть в обморок от жары и скуки.

Соня, моя лучшая подруга, возникла из ниоткуда, как ниндзя в белой блузке. За лето она вытянулась еще на пять сантиметров и покрасила кончики волос в ярко-розовый. Теперь она окончательно стала похожа на фламинго-переростка.

— Мирка! — она вцепилась в меня так, будто мы не созванивались вчера вечером три часа. — Видела Диму? Боже, он подстригся! Он теперь выглядит как... как...

— Как человек, который всё еще не знает о твоём существовании? — закончила я, пытаюсь поправить юбку, которая предательски лезла вверх.

— Фу, какая ты злая. Он выглядит как бог!

Я посмотрела в сторону десятиклассников. Дима Серов стоял в кругу своих друзей, небрежно засунув руки в карманы. Тёмные волосы, наглый взгляд и эта его полуулыбка, от которой у половины девчонок в радиусе километра начинается тахикардия. Моё сердце тоже сделало кульбит, ударилось о ребра и затихло, притворяясь мертвым.

«Спокойно, Мира, — сказала я себе. — Он просто набор атомов. Симпатичный, высокий, пахнущий чем-то дорогим и цитрусовым набор атомов. Тебе это не нужно. У тебя прыщ на носу».

В этот момент мимо нас проплыла Кристина Волкова.

«Проплыла» — это не метафора. Она двигалась так, будто под её ногами был не раздолбанный школьный асфальт, а подиум в Милане. Волосы — идеальная волна. Кожа — матовая, как задник в фотостудии. На лице — выражение легкой скуки, которое говорит: «Я здесь только потому, что мой личный джет на техобслуживании».

Она мельком взглянула на меня. Точнее, на мой нос. Её взгляд задержался там на долю секунды, но мне хватило, чтобы почувствовать себя радиоактивным мутантом.

— Привет, девочки, — бросила она, не останавливаясь.

Голос у неё был такой медовый, что у меня моментально заныли зубы.

— Привет, Кристин, — пискнула Соня.

Я промолчала, имитируя статую великого философа «Мне-Пофиг-На-Всё». Получилось не очень, потому что в этот момент я споткнулась о собственный шнурок.

Закон подростковой вселенной №2:

Твоя грация обратно пропорциональна количеству людей, которых ты хочешь впечатлить. Если рядом Дима Серов, ты обязательно споткнешься, икнешь или забудешь, как дышать через нос.

Линейка тянулась вечность. Директор говорила о традициях, первоклашки трясли огромными букетами, которые были больше их самих, а я чувствовала, как внутри меня зреет что-то странное. Это было не раздражение и не грусть. Это было ощущение... невидимости.

Вокруг все такие яркие: Соня с розовыми волосами, Кристина с её глянцевою жизнью, Дима — центр вселенной. А я? Я — Мира. Девочка-саркастичный-комментарий. Девочка, которая всегда стоит чуть-чуть за плечом у кого-то более важного.

Когда мы наконец зашли в класс, Марина Викторовна — наша классная — обвела нас взглядом, в котором читалось: «Я тоже хотела бы сейчас быть на море, но мы все здесь, так что давайте сделаем вид, что мы рады».

— Ну что, восьмой «Б», поздравляю. Вы стали старше. Проблем станет больше, ответственности — тоже. Но помните: школа — это маленькая жизнь.

«Если это жизнь, — подумала я, — то где здесь кнопка "выйти без сохранения"?»

Вечером я сидела в своей комнате. В окно билась какая-то шальная муха, а из кухни доносились крики телевизора и звон тарелок — мама опять что-то доказывала папе. Обычный вечер обычной семьи.

Я открыла ноутбук. Пальцы сами замерли над клавиатурой. Мне нужно было куда-то деть всё то, что скопилось внутри за этот день. Все эти невысказанные шутки, всю эту неловкость и странную пустоту в груди.

Я создала Telegram-канал. Назвала его «Дневник Никого».

Почему «Никого»? Потому что в 14 лет ты часто чувствуешь себя именно так. Ты — пустое место, через которое про-

ходят чужие ожидания, требования учителей и идеальные картинки из соцсетей. Ты еще не стала «кем-то», но уже перестала быть «всем» для своих родителей.

Запись первая. 1 сентября.

«Сегодня я узнала, что гладиолусы — это цветы-убийцы. Если ими правильно размахнуться на линейке, можно выколоть глаз однокласснику. Жаль, что я этого не сделала.

Школа началась. Мой нос украшен прыщом, который имеет собственный ИНН. Дима Серов всё так же красив и всё так же не знает, что я существую. Кристина Волкова — всё так же ведьма, но без метлы, потому что метла не вписывается в её эстетику.

Взрослые говорят, что это "золотое время". Видимо, у них была очень плохая жизнь, если это — золото.

Я начинаю этот блог, потому что если я не буду смеяться над этим трэшем, я начну плакать. А тушь нынче дорогая.

P.S. Если ты это читаешь и тебе тоже кажется, что ты — баг в матрице, добро пожаловать в клуб. Нас здесь двое. Ты и я. Хотя, скорее всего, только я.

Спокойной ночи, мир. Постарайся завтра бесить меня чуть меньше».

Я нажала «Отправить».

Просмотры: 0.

Подписчики: 0.

Я улыбнулась. Это было идеальное начало. В мире, где все стараются быть «кем-то», чертовски приятно быть абсолют-

но законным «Никем».

Я выключила свет и легла в кровать. Завтра будет второй день. Первый урок — химия. Говорят, от неё могут выпасть волосы, если неправильно смешать реактивы. Что ж, по крайней мере, это будет оригинальнее, чем розовые кончики Сони.

Перед тем как уснуть, я подумала о Диме. Интересно, а если бы я реально была «Никем» — ну, то есть, прозрачной? Я бы могла зайти к нему в класс, сесть на парту и просто смотреть, как он пишет.

Хотя, зная мою удачливость, я бы даже будучи прозрачной умудрилась что-нибудь уронить.

Первый день закончился. Выжила — 1. Мозги — 0.

Погнали дальше.

Глава 2. Законы подростковой физики

Второй день школы — это когда магия новых тетрадок и белых воротничков испаряется, оставляя после себя стойкий запах столовской котлеты и осознание, что впереди еще две-сти семьдесят четыре дня страданий. Если первое сентября — это трейлер к фильму (яркий, многообещающий и лживый), то второе сентября — это само кино. Длинное, нудное и без субтитров на понятном языке.

Первым уроком была биология. Наша биологичка, Элеонора Степановна (или Элеонора-Степанозавр, как её ласково называл наш классный юморист Артём), начала учебный год с бодрого заявления, что мы все — лишь биологические мешки с костями, управляемые гормонами.

«Ну, хотя бы теперь у меня есть официальное оправдание, почему я не сделала домашку», — подумала я. — «Это не я ленивая, это мои гормоны устроили забастовку против угнетения костей».

Закон подростковой физики №3:

Скорость распространения слуха в школьном коридоре превышает скорость света. Если ты случайно чихнула в кабинете физики на первом этаже, к третьему уроку на четвертом этаже будут обсуждать, что ты заражена редким вирусом

с Марса и тебе осталось жить до перемены.

На большой перемене Соня потащила меня в «социальный эпицентр» — к подоконникам в левом крыле, где обычно тусуется элита.

— Нам нужно чаще мелькать у них перед глазами, — шептала Соня, судорожно поправляя свои розовые кончики. — Иначе мы так и останемся «теми девчонками с задней парты, у которых вечно нет ручки».

— Соня, мы и есть те девчонки, — напомнила я, пытаюсь спрятаться за её плечом. — И мне там вполне комфортно. У нас есть стратегический запас сухариков и вид на дерево, на котором вчера застрял чей-то кроссовок. Это же люк-статус!

— Мира, ну хватит иронизировать! Посмотри на Кристину.

Я посмотрела. Кристина Волкова сидела на подоконнике, изящно скрестив ноги. Вокруг неё, как спутники вокруг Юпитера, вращались «приближенные». Яна, её верная тень, держала зеркальце. Артём что-то вдохновенно вещал, активно жестикулируя, а Кристина время от времени одаряла его снисходительным смешком.

Это была идеальная экосистема. Пищевая цепочка в действии.

1. Вершина (Кристина): питается лайками, вниманием и страхом окружающих.
2. Исполнители (Яна): питаются объедками славы Верши-

ны.

3. Шуты (Артём): обеспечивают Вершине развлечение, чтобы их не выкинули из экосистемы.

4. Фоновый шум (Все остальные): обеспечивают массовку, чтобы Вершина чувствовала себя важной.

— Видишь? — Соня ткнула меня локтем. — Она зафотографировала новую фотку пять минут назад. Уже сто лайков. Дима тоже лайкнул!

Я достала телефон. Instagram Кристины был похож на рекламный буклет рая. Фотография на фоне школьной стены (которая в реальности облуплена и пахнет сыростью, но на фото выглядела как винтажный лофт), подпись: «Снова в бой! Новая энергия, новые цели ☆☆☆ schoolvibes backtobasics».

Сто восемь лайков. Один из них — от @dima_serov_official.

Внутри меня что-то неприятно кольнуло. Это была не зависть — ну, может, процентов на десять. Остальные девяносто — это чувство тотальной несправедливости. Почему у кого-то жизнь — это бесконечный фильтр «Clarendon», а у меня — неразборчивое пятно в режиме макросъемки?

— Давай подойдем? — с надеждой спросила Соня.

— Зачем? Чтобы она спросила, не тот ли это прыщ, который она видела вчера, только теперь с именем и гражданством? Нет, спасибо. Я лучше пойду посмотрю на кроссовок на дереве. В нем больше искренности.

В этот момент мимо прошел Лёша. Он как обычно выгля-

дел так, будто только что вышел из библиотеки, где провел последние сорок лет. Рюкзак на обоих плечах (кто вообще так носит?!), очки чуть сползли на нос, в руках — какая-то книга с названием вроде «Краткая история всего, что тебя не касается».

— Привет, — буркнул он, поравнявшись со мной.

— О, Лёша! — Соня засияла. — Ты слышал, что на выходных будет вечеринка у Артёма? Нас, наверное, позовут!

Лёша посмотрел на Соню так, будто она предложила ему вступить в секту любителей сырой моркови.

— Артём приглашает только тех, кто может принести пользу его социальному капиталу. Мы в эту категорию не входим. Если только тебе не нужно переустановить винду на его ноуте.

— Какой ты скучный, — надулась Соня.

Лёша перевел взгляд на меня. На секунду мне показалось, что он видит мой прыщ, мои сомнения и даже тот тайный Telegram-канал, который я создала вчера.

— Нормально выглядишь, — сказал он и пошел дальше.

«Нормально». В переводе с Лёшиного на человеческий это означало либо «ты не похожа на мутанта», либо «я не знаю, что сказать, поэтому использую безопасное слово».

Весь остаток дня я чувствовала себя как в замедленной съемке. Уроки, звонки, чьи-то крики, скрип мела. Я наблюдала за Кристиной. Она не просто сидела на уроках — она присутствовала. Каждое её движение было выверено. Когда

учитель задавал вопрос, она не тянула руку, как первоклашка. Она просто слегка приподнимала бровь, и учитель сам называл её имя. Магия? Нет, просто четкое знание того, что мир вращается вокруг тебя, если ты сама в это веришь.

Дома я первым делом открыла свой канал.

«Дневник Никого»

Подписчики: 0.

Просмотры последней записи: 3.

Три! Сердце пропустило удар. Три просмотра! Один — это я с телефона. Второй — я с ноутбука. Но кто был третьим?!

Это был настоящий детектив. Кто-то зашел. Кто-то прочитал мои мысли о гладиолусах и Диме Серове. Может быть, это ошибка алгоритма? Или какой-нибудь бот из Бангладеш, который ищет ключевые слова «тушь» и «прыщ»?

А может... это кто-то из школы?

От этой мысли у меня вспотели ладони. Если кто-то узнает, что этот язвительный «Никто» — это я, мне придется сменить имя, фамилию и уехать жить в тундру к оленям. Олени хотя бы не постят сторис.

Я села писать новую запись. Пальцы летали по клавишам. Запись вторая. 2 сентября.

«Сегодня я изучала теорию школьных каст. Выяснилось, что я нахожусь на уровне "планктон". Планктон полезен для океана, но его никто не спрашивает, когда акулы решают, куда плыть.

Кристина Волкова сегодня была настолько идеальной, что я заподозрила в ней рептилоида. Ну нельзя иметь такую укладку после шести уроков в душном кабинете! Это противоречит законам термодинамики.

Кстати, о физике. Есть такой закон: "Сила действия равна силе противодействия". В школе он не работает. Ты можешь изо всех сил стараться быть милой, а в ответ получить взгляд, как на мокрую тряпку.

У моей записи 3 просмотра. Один из них — таинственный незнакомец. Если ты — реальный человек, то знай: ты либо очень одинок, раз читаешь нытье 14-летней девчонки, либо ты — агент ФБР, и тогда мне хана.

P.S. Дима сегодня прошел мимо и пах цитрусовым парфюмом. Я вдохнула так сильно, что чуть не получила гипервентиляцию легких. Лёша сказал, что я "нормально выгляжу". Это был самый продуктивный диалог в моей жизни.

Пойду съем бутерброд. Бутерброды никогда не оценивают твою внешность. Они любят тебя любой».

Я нажала «Отправить».

Просмотры обновились почти мгновенно. 1. 2.

Я затаила дыхание. Кто-то там, в темноте интернета, ждал моей записи.

Или это просто лаг сети.

Мама постучала в дверь.

— Мира, ты уроки сделала? — голос у неё был усталый.

— И убери, пожалуйста, свои носки с люстры. Как они там

вообще оказались?

— Это инсталляция, мам! Современное искусство! Оно символизирует подвешенное состояние моей души!

— Иди ешь суп, искусство, — вздохнула мама.

Я закрыла ноутбук. Завтра — третий день. Обществознание. Тема: «Личность и социальные группы».

Ха. Я бы сама могла провести этот урок. Группы: «Крутые», «Почти крутые», «Те, кто думает, что они крутые» и я.

Личность: в процессе сборки. Инструкция утеряна. Детали не подходят друг к другу.

Но, по крайней мере, у меня есть три просмотра. И это уже на три больше, чем вчера.

Глава 3. Лента — это ловушка

Моё утро начинается не с кофе. И даже не с воплей мамы. Оно начинается с синего света экрана, который выжигает мне сетчатку в крошечной темноте комнаты. Это мой личный ритуал самобичевания. Прежде чем я успеваю осознать, кто я и почему у меня так сильно затекла шея, я уже в инстаграме. Листаю. Листаю. Свайпаю. Умираю внутри.

Шкала социального отчаяния Миры (утренний выпуск):

☆ — Кто-то из параллели съел на завтрак авокадо-тост. Бесит. У меня в холодильнике только половина засохшего лимона и надежды на светлое будущее.

☆☆ — Одноклассница выложила сторис из спортзала в 6:30 утра. Ты серьезно? В это время даже призраки еще спят. Она выглядит как богиня фитнеса, а я в это время выгляжу как помятый пельмень, который забыли в кастрюле.

☆☆☆ — Кристина Волкова выложила «честное» фото без макияжа. С подписью: «Проснулась вот такая... Натуральность — это новый люкс ☆☆☆». Ага, натуральность. С нарощенными ресницами, татуажом бровей и фильтром «Paris», который разглаживает кожу до состояния дельфиньего бока. Если это натуральность, то я — балерина Большого театра.

Я лежу под одеялом, и мне кажется, что я тону. Не в воде, а в идеальных жизнях других людей. Вот Катя из 8-го «А» на море (откуда у её родителей деньги в сентябре?!), вот Дима

Серов постит новую кроссовку (одну, вторую, видимо, бережет для особого случая), вот какая-то блогерша-миллионница объясняет, как «просто быть счастливой и принимать себя».

Легко принимать себя, когда у тебя виниры за миллион и личный ретушер. А попробуй принять себя, когда у тебя в зеркале — я, прыщ (который вчера получил имя Геннадий и сегодня, кажется, собирается баллотироваться в Думу) и волосы, которые решили жить своей жизнью, отдельно от моей головы.

Закон подростковой физики №4:

Твоя самооценка прямо пропорциональна заряду твоего телефона. Когда ты открываешь соцсети, она начинает таять быстрее, чем мороженое в духовке. К тому моменту, как телефон нагревается до температуры плавления ядра Земли, ты уже твердо уверена, что ты — ошибка эволюции.

В школу я шла в состоянии «экзистенциальный кризис средней степени тяжести». Соня встретила меня у входа, уткнувшись в телефон.

— Мира, ты видела рилс Кристины?! — она даже не поздоровалась. — Она там танцует под тот новый трек. У неё уже три тысячи просмотров! Мы тоже должны что-то снять.

— Соня, единственное, что я могу снять — это стресс. И то с помощью еды, — буркнула я. — Ты понимаешь, что это всё фальшивка? Она репетировала этот танец три часа, пе-

реодевалась пять раз и, скорее всего, наорала на Яну, которая её снимала.

— Ну и что? — Соня наконец оторвалась от экрана. — Зато посмотри, как красиво! Все пишут «вау», «ты лучшая», «хочу быть как ты». Кто не хочет, чтобы ему писали «ты лучшая»?

Я промолчала. Я тоже хотела. Но я знала: если я выложу видео, где я танцую, в комментариях напишут не «вау», а «вызовите экзорциста, девочке плохо».

Вторым уроком была литература. Марина Викторовна сегодня выглядела подозрительно бодро. На доске было написано: «М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. Маски и реальность».

— Ну что, молодежь, — она поправила свои яркие очки. — Давайте поговорим о Печорине. Как вы думаете, если бы у него был инстаграм, какой бы это был аккаунт?

Класс заржал. Артём выкрикнул:

— Он бы постил фотки с лошадьми и пафосные цитаты про одиночество! Типа «я не виноват, что я такой, это общество меня сделало». И сторис с Бэлой, помеченные «my queen».

— Точно, — улыбнулась Марина Викторовна. — А теперь подумайте: Печорин носил маску. Он создавал образ, в который сам не верил, чтобы защититься от мира. Вам это ничего не напоминает?

Я замерла. Она смотрела прямо на нас, но как будто ви-

дела сквозь наши рюкзаки и худи, прямо в телефоны, спрятанные под партами.

— Мы все сейчас — маленькие Печорины, — продолжала она. — Мы строим свои цифровые замки, вылизываем профили, выбираем ракурсы. Мы создаем «идеальное я», а потом боимся, что кто-то увидит «реальное я». И чем круче наш профиль, тем страшнее нам в реальности. Потому что реальность — она... нефилътрированная. Она пахнет школьной столовой, в ней есть двойки, ссоры с родителями и прыщи на носу.

В классе стало тихо. Даже Кристина перестала рассматривать свои ногти.

— В этом и ловушка, — Марина Викторовна подошла к окну. — Вы сравниваете свое «внутреннее закулисье» с чужим «парадным фасадом». Вы знаете, как вам плохо, когда вы одни, но видите только, как другим хорошо в ленте. Это нечестная игра. Вы проигрываете её еще до начала.

Я чувствовала, как у меня щиплет в носу. Она только что описала всё моё утро. Всё моё лето. Всю мою жизнь в 14 лет. Мы все сидим в одной комнате, но каждый из нас заперт в своем зеркальном лабиринте, где вместо зеркал — экраны смартфонов.

На перемене я зашла в туалет — единственное место в школе, где можно на минуту выдохнуть (если игнорировать запах хлорки). И там я увидела Кристину. Она стояла перед зеркалом. Но она не поправляла макияж. Она... она втяги-

вала живот так сильно, что у неё проступили ребра, и пыталась сфотографировать себя сбоку.

Её лицо в этот момент было не «люксовым». Оно было... измученным. Напряженным. Яна стояла рядом с лампой-кольцом (откуда она её взяла?! из рюкзака?!) и командовала:

— Крис, еще чуть-чуть довернись. Свет падает на бок, кажется, что там складка.

— Блин, Яна, я же не ела со вчерашнего дня! Откуда там складка?! — голос Кристины сорвался на визг.

— Это тень, — успокаивающе сказала Яна. — Сейчас подправим в приложении. Давай еще дубль. Улыбнись, как будто ты только что выпила смузи и ты в восторге от жизни.

Кристина мгновенно преобразилась. Глаза засияли, губы сложились в ту самую идеальную полуулыбку. Щелк!

Через секунду она снова сдулась, плечи опустились, лицо стало серым.

— Удаляй ту, где я моргнула. И пришли мне все, я буду ретушировать на уроке химии.

Я стояла в кабинке, боясь пошевелиться. Мой мир только что перевернулся. Идол миллионов (ну, ладно, пяти тысяч) подписчиков не ест со вчерашнего дня, чтобы не было тени на боку. Она живет в аду, который сама же и строит, кирпичик за кирпичиком, пост за постом.

И я ей завидовала? Я хотела быть на её месте?

Закон подростковой физики №5:

За каждым идеальным селфи стоят 45 минут ненависти к себе, две ссоры с тем, кто фотографирует, и тотальное разочарование в реальности. Искусство требует жертв, но подростковое искусство требует в жертву твою менталку.

После школы я не полезла в инстаграм. Вместо этого я открыла свой тайный канал. У меня уже было 12 подписчиков. Двенадцать! Откуда они взялись? Я не рекламировала его, не спамилась в чатах. Видимо, алгоритмы телеграма решили, что миру нужно больше ныть от «Никого».

Я села на лавочку в парке. Мимо пробежали дети, какие-то бабушки обсуждали цены на помидоры, а я писала.

Запись третья. 3 сентября.

«Сегодня я видела, как создается магия. Спойлер: магия состоит из голодного обморока и кольцевой лампы в школьном туалете.

Мы все живем в мире, где казаться важнее, чем быть. Мы — поколение ретушеров. Мы замазываем синяки под глазами, но не можем замазать дыру внутри, которая растет каждый раз, когда мы видим чужой "успешный успех".

Марина Викторовна сказала, что мы — Печорины. Но Печорин хотя бы стрелялся на дуэлях. Мы же стреляемся лайками. Кто больше собрал — тот и выжил.

Знаете, что я поняла? Ваше "закулисье" — это и есть настоящая жизнь. Ваши некрасивые слезы, ваши дурацкие домашние штаны с коленками, ваш утренний вид "я упала с се-

новала" — это правда. А правда не обязана быть эстетичной.

Я сегодня съела обычную булку. Без авокадо. Без семян чиа. Просто булку с сахаром. И она была вкуснее, чем все сторис мира.

P.S. Дима Серов сегодня выложил фото из кафе. Напротив него — женская рука с браслетом. У меня случилась микро-смерть. А потом я присмотрелась — это рука его младшей сестры, я видела этот браслет у неё в прошлом году. Моё сердце воскресло, но решило, что больше такие аттракционы не потянет.

P.P.S. Кристина, если ты это читаешь (хотя вряд ли, ты сейчас выбираешь фильтр для фото с булкой, которую ты не съешь) — поешь. Просто поешь. Складки на животе — это не грех. Это признак того, что ты человек, а не пластиковая мебель».

Я нажала «Отправить» и почувствовала странную легкость. Как будто я только что сняла корсет, который давил мне на ребра.

Мои 12 подписчиков отреагировали почти мгновенно.

«♥#», «##», «Жизаааа», — посыпались реакции.

А потом пришло сообщение в личку бота обратной связи (да, я его создала, я серьезный блогер, ага).

«Спасибо. Я сегодня тоже не хотела обедать из-за фоток в ленте. Но прочитала тебя и пошла за пирожком. Пирожок был с капустой. Он был божественен».

Я смотрела в экран и улыбалась. Мой прыщ Геннадий, ка-

жется, тоже одобрительно пульсировал.

Может быть, быть «Никем» — это самая большая свобода на свете. Тебе не нужно втягивать живот. Тебе не нужно улыбаться, когда хочется выть. Ты можешь просто быть.

Напутствие дня от Миры:

Если тебе кажется, что все вокруг живут идеальной жизнью, вспомни про Кристину в школьном туалете. Фильтры — это цифровой грим. Не пытайся соревноваться с картинкой, которую создали три приложения и один голодный желудок. Твое тело — это твой дом, а не выставочный зал. Корми его, люби его и иногда выключай телефон. Небо в реальности гораздо круче, чем в HDR.

Я убрала телефон в карман и пошла домой. Мама обещала приготовить блины. С вареньем. Настоящим, домашним, неэстетичным вареньем, которое оставляет пятна на футболке.

И это был лучший план на вечер.

Глава 4. Три смайлика и свадьба в июне

Влюблённость в четырнадцать лет — это не то розовое облако из корейских дорам, где вы бежите друг к другу под сакурой, а лепестки летят точно в такт вашему пульсу. Нет. В реальности это тяжелое психическое заболевание, симптомы которого включают: внезапную деменцию, потерю координации, потливость ладоней и маниакальное желание проверять время последнего захода в сеть одного конкретного человека каждые три минуты.

Мой «конкретный человек» — Дима Серов. Ему шестнадцать. Он в десятом. И между нами не просто два года разницы, между нами — Великая Китайская стена, ров с аллигаторами и тот факт, что он — солнце, а я — маленькая замерзшая планета на окраине галактики, где из полезных ископаемых только ирония и старые мемы.

Закон подростковой физики №6:

Когда объект твоей симпатии входит в помещение, твой IQ падает до отрицательных значений. Если в обычном состоянии ты можешь цитировать Канта или хотя бы без ошибок заказать пиццу, то при виде ЕГО твой мозг сворачивается в эмбриональную позу и кричит: «Я увольняюсь! Разбирайся сама!»

Всё началось на третьем уроке. Я сидела на истории и пыталась сосредоточиться на причинах Первой мировой войны, но в моей голове шла совсем другая война. В кармане завибрировал телефон. Один короткий «бззз».

Я знала, кто это. Точнее, я надеялась. Мои пальцы, дрожа как у сапера, выудили смартфон под партой.

Уведомление от Димы. В директ.

Я чуть не выронила телефон в сумку. Моё сердце сделало тройное сальто назад и застряло где-то в районе горла.

Что он мог написать?

«Мира, я долго скрывал свои чувства, но больше не могу»?

«Ты — самая загадочная девушка, которую я встречал в этой школе»?

«Выходи за меня, я уже забронировал кейтеринг на июнь»?

Я открыла сообщение. Там было три смайлика: «#####». И всё.

Это был ответ на мою сторис, которую я выложила вчера вечером — я сфотографировала своего кота, который застрял в коробке из-под обуви.

— Мира, — голос учителя истории ворвался в мой персональный вакуум. — Колесникова! Ты нам расскажешь про Тройственный союз или продолжишь изучать содержимое своих коленей?

— А... да. Тройственный союз, — я быстро спрятала те-

лефон. — Это когда три страны объединились, чтобы... ну... чтобы им не было скучно?

Класс заржал. Артём с первой парты обернулся и подмигнул мне. Я почувствовала, как мои щёки приобретают цвет спелого помидора, который долго били.

— Садись, Колесникова. Тройка. Надеюсь, твой союз с учебником будет более продуктивным.

Весь остаток урока я провела, глядя в стену. Три смайлика. Три. Смайлика.

Для обычного человека это просто набор пикселей. Для влюбленной четырнадцатилетней девчонки — это зашифрованное послание, которое требует немедленной дешифровки на уровне спецслужб.

Я начала анализировать.

Смеющийся смайлик (##) — значит, ему нравится мой юмор. Чувство юмора — это основа крепких отношений.

Смайлик с поднятыми руками (##) — это жест одобрения. Он празднует моё существование! Он как бы говорит: «Да, Мира, продолжай в том же духе, я в восторге!».

Огонь (##) — ну, тут всё понятно. Это искра. Это страсть. Это признание моей тотальной привлекательности, даже если на фото был только кот и кусок моего старого ковра.

В моей голове уже вовсю играл марш Мендельсона. Я выбирала между платьем «русалка» и классическим пышным. Свадьба определенно в июне — в школе уже закончатся экзамены, будет тепло, и Кристина Волкова лопнет от зависти,

глядя на мой свадебный торт.

— Ты чего такая пришибленная? — спросила Соня, когда мы вышли из кабинета.

Я молча сунула ей телефон под нос. Соня посмотрела на экран, потом на меня.

— И что? Это просто реакции на сторис. Он всем такие шлет. Вчера он Яне прислал «##» на её селфи.

Мой воздушный замок из белого шелка и кремовых роз мгновенно рухнул, похоронив под собой надежды на счастливое будущее.

— Кому? Яне? — мой голос прозвучал как скрип несмазанной калитки. — Той самой Яне, которая ходит за Кристиной как привидение?

— Угу. Кристина сказала, что Дима — «свой парень», он со всеми на связи.

Я почувствовала, как во мне просыпается черная вдова.

— Со всеми на связи? То есть я — просто часть его абонентской базы? Я — рассылка от МТС?!

Весь обеденный перерыв я провела, помешивая остывший чай в столовой.

— Слушай, — Соня придвинулась ближе. — Если он тебе так нравится, надо действовать. Завтра после физкультуры их класс будет в спортзале. Пройди мимо, урони что-нибудь. Книгу там. Или телефон.

— Телефон? Соня, у меня экран уже и так выглядит как паутина после апокалипсиса. Если я его еще раз уроню, он

окончательно уйдет в мир иной.

— Ну тогда просто скажи ему «привет». Небрежно так. Типа ты шла по своим важным делам и случайно его заметила.

Напутствие от Миры №1:

Советы подруг по завоеванию парней обычно делятся на две категории: «Слишком сложно, чтобы сработало» и «Слишком унижительно, чтобы пробовать». Помните: если вам предлагают "уронить платочек", проверьте, не застряли ли этот совет в 19-м веке. В 21-м веке ты просто уронишь достоинство.

Я решила пойти по другому пути. Пути интеллектуального превосходства (ха-ха).

Я пошла в библиотеку. Не потому что мне нужны были книги, а потому что там тихо и нет Кристины Волковой. Там я наткнулась на Лёшу. Он сидел в самом дальнем углу, заваленный какими-то справочниками по программированию.

— Опять страдаешь? — спросил он, не поднимая глаз от текста.

— Я не страдаю. Я размышляю о тщетности бытия и о том, почему некоторые люди рождаются такими классными, а другие — мной.

Лёша наконец поднял голову. Его очки блеснули в свете тусклой библиотечной лампы.

— Если ты про Серова, то расслабься. Он обычный.

— Он не «обычный»! У него скулы, которыми можно ре-

зять хлеб! И он пахнет апельсинами!

— Он пахнет дезодорантом за триста рублей, — отрезал Лёша. — И скулы у него такие, потому что он забывает обедать, когда играет в приставку. Мира, ты влюбилась в постер. В картинку. Ты даже не знаешь, о чем с ним говорить, кроме его футбола.

— А вот и знаю! Я... я... я могу спросить про футбол!

— Ты не знаешь правил футбола. Ты в прошлом году спросила, почему вратарь не может просто забрать мяч и убежать домой.

Я надулась. Лёша всегда был таким — слишком логичным, слишком приземленным. Он как холодный душ в разгар тропической лихорадки.

— Зато он прислал мне три смайлика, — гордо сказала я. Лёша вздохнул.

— Мира, три смайлика — это цифровой шум. Это вежливость. Это как сказать «будь здоров», когда кто-то чихнул. Не строй на этом планы на июнь.

Я застыла.

— Откуда ты знаешь про июнь?

— У тебя на обложке тетради по химии мелко написано «Мира Серова». И нарисовано маленькое кольцо. Ты очень плохо маскируешься.

Я вылетела из библиотеки с пылающими ушами. Боже, если это увидел Лёша, значит, это может увидеть кто угодно! Марина Викторовна! Моя мама! Дима Серов!

Я представила, как Дима находит мою тетрадь, читает «Мира Серова», и его охватывает не нежность, а непреодолимое желание вызвать мне психиатрическую помощь.

Дома я была в состоянии полной дезинтеграции.

Мама заглянула в комнату.

— Мирочка, ты какая-то бледная. Опять в столовой пирожки с котятами ела?

— Нет, мам. Я просто поняла, что жизнь — это боль, а люди — это острова в океане непонимания.

— Понятно, — мама кивнула. — Значит, Серов прошел мимо и не поздоровался.

— МАМА! Откуда?!

— Мира, я была подростком. Я тоже писала в тетрадках «Наталья Харламова» и думала, что если я надену туфли на каблуках, он упадет к моим ногам. Спойлер: я упала сама, прямо перед ним. Выбила зуб. Харламов потом три года называл меня «Свистулькой».

Я посмотрела на маму.

— И как ты выжила?

— Ну, как видишь. Зуб вставили, Харламов уехал в Самару, а я вышла за твоего папу. У него, кстати, скулы были так себе, зато он принес мне ведро малины, когда я болела. Малина лучше смайликов, поверь.

Я закрыла дверь и включила ноутбук.

Канал «Дневник Никого».

Подписчики: 28.

Ого. Это уже небольшая банда.

Запись четвёртая. 4 сентября.

«Сегодня я была невестой. В своей голове, конечно. Мы уже выбрали торт и цвет салфеток. А потом оказалось, что жених прислал такие же "приглашения" еще половине школы.

Влюбленность — это когда ты наделяешь человека сверхспособностями, которых у него нет. Ты думаешь, что его смайлики — это признание в любви, а на самом деле это просто способ закончить разговор, не обидев тебя.

Мы все — заложники своих галлюцинаций. Мы смотрим на Диму Серова (имя изменено, но мы-то знаем), а видим принца из Диснея. А принц тем временем думает о том, как бы пройти новый уровень в Call of Duty и не пахнуть потом после физры.

Моя мама когда-то была "Свистулькой". Теперь она — главный бухгалтер с ипотекой. Это дает мне надежду. Если можно пережить выбитый зуб и позор перед Харламовым, то я, наверное, переживу три смайлика.

P.S. Лёша сказал, что я плохо маскируюсь. Если вы увидите тетрадь с надписью "Мира Серова" — это не моё. Это... эээ... проект по социологии. О влиянии фамилий на судьбу человека. Да. Именно так.

P.P.S. Свадьба в июне отменяется. Переносим на неопределенный срок. Салфетки были дурацкого цвета».

Я нажала «Отправить».

Просмотры поползли вверх.

3... 10... 15...

Пришло сообщение в личку:

«О боже, жиза! Я вчера тоже гуглила, какая фамилия лучше звучит с моим именем. Оказалось, его фамилия — Пупков. Решила остаться холостячкой».

Я засмеялась. Впервые за весь день мне стало легко.

Может быть, Лёша прав. Дима — это просто постер. А постеры хороши тем, что их можно снять со стены, если они надоели. Или если на них появилась пыль.

Я посмотрела на свою тетрадь по химии. Взяла корректор и аккуратно замазала «Серова». Теперь там было просто «Мира».

И, честно говоря, так мне нравилось гораздо больше.

Мудрость на ночь от Миры:

Если ты строишь планы на свадьбу после одного лайка — остановись. Выдохни. Посмотри на него внимательно. Возможно, он ковыряет в носу, когда думает, что никто не видит. Или он не знает разницы между «тся» и «ться». Любовь зла, но твоя грамотность и здравый смысл должны быть сильнее. Свадьба в июне — это круто, но свобода и целые тетрадки — еще круче.

Я заснула, не проверяя, заходил ли он в сеть.

Ладно, я проверила один раз. Но только один! И он не заходил.

Наверное, играет в приставку.

Дурак ты, Серов. У меня такие салфетки были на примете... но теперь ты их никогда не увидишь.

Глава 5. Нормальная (не как все)

Слово «нормально» — самое лживое слово в русском языке. Когда мама спрашивает: «Как дела?», и я отвечаю: «Нормально», это может значить что угодно: от «я только что получила двойку по географии и планирую побег в Мексику» до «я полчаса рыдала над видео с грустным хомяком, но сейчас хочу чипсов».

Для взрослых «нормально» — это когда ты не колешься в подворотне, приносишь оценки выше тройки и не хамишь бабушке. Для нас «нормально» — это недостижимый идеал, статус-кво, который меняется каждые пять минут. Быть нормальной — значит попадать в невидимый трафарет, который кто-то приложил к нашей школе и сказал: «Вот так правильно. Всё, что вылезает за края — обрезать».

Закон подростковой физики №7:

Чем больше ты стараешься быть «нормальной», тем сильнее ты похожа на персонажа из фильма ужасов, который пытается притвориться живым. Твои движения становятся деревянными, смех — натужным, а лицо приобретает выражение «я только что съела лимон и пытаюсь это скрыть ради мира во всём мире».

Всё началось в субботу утром. Суббота — это единственный день, когда я могу легально притворяться ветошью до полудня. Но у мамы были другие планы. Она ворвалась в

мою комнату с таким видом, будто за ней гонится налоговая инспекция.

— Мира, вставай! Мы едем в торговый центр. Тебе нужно купить нормальную одежду.

— Мам, у меня есть одежда, — я глубже зарылась в одеяло. — На мне сейчас футболка с надписью «I hate mornings», и она идеально отражает моё состояние.

— Это не одежда, это ветошь для мытья полов, — мама решительно отдернула шторы. — Посмотри на себя! Тебе четырнадцать. Ты должна цвести! А ты ходишь в этих безразмерных худи, как будто прячешь там контрабандную партию кирпичей. Соня вон какая нарядная всегда, а Кристина Волкова вообще как с обложки...

Вот оно. Запрещенный прием. Сравнение с Кристиной Волковой — это как удар под дых в мире материнства.

— Кристина Волкова тратит на свою «цветение» бюджет небольшой африканской страны, — буркнула я, сползая с кровати. — И вообще, мам, почему я должна быть как она?

— Не как она. Просто... нормально. Как все девочки. Чтобы на тебя мальчики смотрели не как на своего бро, а как на девушку.

Я замерла у зеркала. Взгляд «как на девушку». Перед глазами тут же всплыл Дима Серов. Вчера он прошел мимо меня в коридоре и сказал: «О, Колесникова, классный мерч». На мне была та самая худи с кирпичами. И хотя это было приятно, я вдруг осознала: он видит во мне «своего парня».

Братана. Чувака, с которым можно обсудить мемы, но которого точно не позовешь на свидание.

Может, мама права? Может, если я вылезу из своего кокона, случится магия?

Три часа в торговом центре были похожи на пытку в камере с неоновым светом. Мама тащила мне вещи, которые она считала «женственными».

— Глянь, какое платье! Нежно-розовое, с рюшами!

— Мам, я в нем буду похожа на зефирину, которую переехал грузовик.

— А вот эти джинсы? В облипочку!

— В них нельзя дышать, мама! А я планирую продолжать этот биологический процесс хотя бы до вечера.

В итоге мы сошлись на компромиссе: узкие (но не смертельно) черные джинсы и топ, который открывал ключицы.

— Ты в нем такая хрупкая, — умилилась мама.

Я посмотрела в зеркало примерочной. Я выглядела... иначе. Не «мной». Это была какая-то версия Миры 2.0, которую загрузили с ошибками. Но ключицы и правда выглядели неплохо. Может, в этом и секрет?

Вернувшись домой, я решила пойти до конца. Завтра — та самая вечеринка у Артёма. Соня уже три дня пишет мне капслоком: «МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОГОНЬ».

Я зашла в YouTube и вбила: «Тьюториал: макияж "Natural Glow" для школы».

Видео длилось пятнадцать минут. Девушка с идеально

ровным лицом (видимо, она родилась сразу с нанесенным тональником) легкими движениями кисточки превращала себя в богиню. «Это просто!» — щебетала она. — «Главное — растушевка!».

Спустя час моя ванная комната выглядела как место преступления, где жертвой стал магазин косметики.

У меня не было «легких движений». У меня были движения маляра, который пытается закрасить дыру в стене. Тональный крем лег пятнами, создав эффект «леопард в депрессии». Контуринг, который должен был сделать мне скулы как у Димы, превратил моё лицо в грязную маску. А когда я дошла до глаз...

Знаете, есть такой стиль «smoky eyes». У меня получился стиль «панду били ногами по лицу». Я пыталась растушевывать черные тени, но они расползались всё дальше и дальше, пока не достигли бровей.

— Мира, ты скоро? — папа постучал в дверь. — Мне нужно... О господи!

Я обернулась. Папа застыл, схватившись за косяк.

— Что? — я воинственно вскинула подбородок, хотя один глаз у меня уже почти не открывался от количества туши. — Это «смоки айс». Это сейчас модно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.